

Секция «Литературный процесс и журналистика: история, критика, публицистика»

Дело Дрейфуса в полемике русских писателей

Двадненко Алина Олеговна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: alinadvadnenko@gmail.com

Двадцатилетнее правление во Франции республиканцев привело страну к политическому и экономическому кризису. Чиновники правительства, члены парламента, как писала печать, погрязли во взятках, оказались замешанными в махинациях с панамскими акциями; министерство внутренних дел, военное министерство были коррумпированы, однако в отчетах парламенту представляли положение дел в своих ведомствах как блестящее. На таком фоне в 1894 году всплыло дело о предательстве и шпионаже капитана генерального штаба французской армии Альфреда Дрейфуса, выходца из состоятельной еврейской семьи из Эльзаса, той территории, которая была отвоевана у Франции во время Франко-прусской войны 1871 года. Французский контрразведчик в Германии обнаружил список важных секретных государственных документов Франции у одного из чиновников германской разведки. При сличении почерков работников французского генштаба подозрение пало на Дрейфуса. [1] Золя, Жорес, Клемансо и ряд известных влиятельных политиков-республиканцев, вроде вице-президента сената Шерер-Кестнера, бросились в драку, которая именовалась «Дело Дрейфуса». Это дело получило широкий резонанс в России. Развитие событий, связанных с делом Дрейфуса, постоянно отслеживали российские газеты. Например, летом 1899 года, когда Дрейфуса отправили во Францию на специально посланном за ним крейсере – русские газеты сообщали о передвижении этого корабля. В 1906 году Дрейфуса реабилитировали – об этом сразу же написали русские газеты. Общество в России так же раскололось в своем отношении к делу Дрейфуса. Самую яркую полемику по делу Дрейфуса вели А.П. Чехов, который являлся активным дрейфусаром и антидрейфусар А.С. Суворин. Это послужило причиной разрыва многолетней дружбы С. А. Суворина с А.П. Чеховым. Отношение Чехова к политике всегда было чисто интеллигентское: «Будь я политиком, никогда бы я не решился позорить свое настоящее ради будущего, хотя бы мне за золотник подлой лжи обещали сто пудов блаженства». С такой позиции он и стал вникать в «Дело Дрейфуса». 4 декабря 1897 года он писал литератору Соболевскому: «Я целый день читаю газеты, изучаю Дрейфуса, по-моему, Дрейфус не виноват». Тогда было время, когда в суде рассматривалось не само дело Дрейфуса, а подозрения нового начальника контрразведки генштаба Франции полковника Пикара в том, что документы в Германию пересылал некий майор граф Эстергази, а не Дрейфус. Газеты кипят сенсациями. Какое-то время спустя к ним добавляется страстный голос Золя. Одна из многочисленных брошюр Золя «Дело Дрейфуса. Письмо к молодежи» попадает в руки Чехова, в числе другой французской корреспонденции он пересылает ее в Мелихово, чтобы позже ознакомиться получше. Чехову ничего не было известно о политических целях национального еврейского движения. Но близкий к правительству Суворин был достаточно информирован: материалы заседаний Сената и правительственный указ дали определенный ход его дальнейшей публицистической работе. Безусловно, осведомлен был и парижский корреспондент «Нового времени» Исаак Яковлевич Павловский, земляк Чехова, некоторое время даже живший в таганрогском доме Чеховых. (Псевдоним Павловского в газете - «Ив. Яковлев»). Павловский пересылал Суворину парижскую прессу о Дрейфусе и свои отчеты и комментарии судебного процесса. Чехов не принимал позицию Павловского, в одном письме даже назвал ее ужасно бесстыдной. Суворин в своих «Маленьких письмах» тоже взялся комментировать происходящее в Париже. Когда во влиятельной газете «Фигаро» появилась первая статья в защиту Дрейфуса Золя (она на-

звалась «Господин Шерер-Кестнер», 25 ноября 1897 года), Суворин испугался, что влияние талантливого, активного и политически искушенного писателя и журналиста уведет процесс в сторону, а может, и помешает спокойному, объективному разбирательству. В «Маленьком письме» от 19 декабря 1897 года он выразил свои опасения и напомнил яркий исторический пример, когда Вольтер вступился за протестанта Жана Каласа (1762 года), и тот был незаслуженно оправдан (правда, посмертно). Аргументы Суворина вроде бы были разумны, но язвительное резюме вызывало желание поспорить: «Лавры Вольтера не дают спать Золя». Чехова-то точно возмутила подобная фраза, она была направлена против собрата по перу, чей талант он ценил, он не мог мириться с любым ограничением свободы высказывать или не высказывать свое мнение. Получив в Ницце соответствующий номер «Нового времени», возмущенный Чехов пишет в тот же день Ф.Д.Батюшкову: «У нас в Русском пансионе только и разговоров, что о Золя и Дрейфусе. Громадное большинство верит в невиновность Дрейфуса. «Новое время» просто отвратительно». [2] В феврале 1898-го после повторного суда присяжных, снова осудившего Дрейфуса и оправдавшего графа Эстергази, которого начальник разведки Пикар обвинял вместо Дрейфуса, Чехов попытался рассуждать аналитически: да, у него нет полной информации по делу капитана Дрейфуса, может, профессионалам виднее, кто виноват. Но по делу Золя его позиция однозначна: всякий волен свободно высказывать свое мнение публично. Он пытался убедить в правильности своего суждения Суворина. Но тот стоял на своем: что вредит репутации армии, государства - преступление и должно быть уголовно наказуемо. По мнению Суворина, преступление Золя в том, что он противопоставляет интересы личности и государства. А что вредно государству - вредно и личности. Такого никогда не мог понять Чехов. В резкой форме, изменив своей привычке, он написал Суворину: «Пусть Дрейфус виноват. Золя - все-таки прав, так как дело писателя - не обвинять, не преследовать, а вступаться даже за виноватых, раз они осуждены и несут наказание. Скажут: «А политика? Интересы государства? Но большие писатели и художники должны заниматься политикой лишь настолько, поскольку нужно обороняться от нее... И какой бы ни был приговор, Золя все-таки будет испытывать живую радость после суда, старость его будет хорошая старость, и умрет он со спокойной или, по крайней мере, облегченной совестью... Как ни нервничает Золя, все-таки он представляет на суде французский здравый смысл». [2] Шли дни, а Чехов не мог унять волнение. Через несколько дней он написал письмо младшему брату Михаилу, с которым были нежные и доверительные отношения. В том письме он сравнивает французское правительство с женщиной, которая, согрешив, стремится спрятать грех и запутывается во лжи еще больше. Он удивлялся, почему «Новое время» не видело лжи и вело нелепую кампанию против Золя. Вслед за письмом он отправляет письмо другому брату, в тоне язвительном и желчном, видимо, надеясь, что сотрудник «Нового времени» Александр доведет его мнение до членов редакции: «В деле Золя «Новое время» вело себя просто гнусно. По сему поводу мы со старцем обменялись письмами (в тоне весьма умеренном) и замолкли оба. Я не хочу писать и не хочу его писем, в которых он оправдывает бестактность своей газеты тем, что она любит военных... Я тоже люблю военных, но не позволил бы кактусам, будь у меня газета, в приложении печатать роман Золя (в приложении печатали роман Золя «Париж» и поскольку Россия не была включена в Литературную конвенцию, гонорар за свой перевод нового произведения не платила) задаром, а в газете выливать на того же Золя помой - и за что? За то, что никогда не было знакомо ни одному из кактусов - за благородный порыв и душевную чистоту. И как бы ни было, ругать Золя, когда он под судом (приговор не могли привести в исполнение, потому что Золя бежал в Англию) - нелитературно». [4] В чеховских устах в данном контексте «нелитературно» звучит как непристойно, нецензурно. Хуже оценки быть не могло. Дело Дрейфуса и судебный процесс над Золя вымотали Чехова, он чувствовал себя опустошен-

ным: «У меня такое отвращение (к писательству), как будто я ем щи, из которых вынули таракана». [5] Суворин тоже был потрясен. Он ответил Чехову коротким посланием: «Нам писать друг другу более уже не о чем». Потом, в октябре 1898 года, когда Чехов вернулся в Россию, опытный журналист Суворин первым пошел навстречу, ища примирения, написал, что в отношении Золя был неправ, что победила чеховская пронизательность... Но Чехов долго не мог побороть в себе воспоминание «о таракане во щах». [5] Вот цитата из «Вишневого сада»: «Трофимов: Мы отстали, по крайней мере, лет на двести, у нас нет еще ровно ничего, нет определенного отношения к прошлому, мы только философствуем, жалуемся на тоску или пьем водку. Ведь так ясно, чтобы начать жить в настоящем, надо сначала искупить наше прошлое».... И совсем узнаваемая боль в персонаже Тригорина в «Чайке»: «День и ночь меня одолевает одна неотвязчивая мысль: я должен писать, я должен писать, я должен... Пишу непрерывно, как на перекладных и иначе не могу... О, что за дикая жизнь! Ловлю себя и вас на каждой фразе, на каждом слове, спешу скорее запереть все фразы, слова в свою литературную кладовую: авось пригодится! И так всегда, и нет мне покоя от самого себя, и я чувствую, что съедаю собственную жизнь. Разве я не сумасшедший?» К 1900 году, к сорока годам, Чехов понял, что художник, если и хочет проповедовать свои взгляды, то должен делать такое в форме, ему одному доступной - художественной, но отнюдь не публицистической. Публицистика - удел политиков, не его удел. И навсегда отказался от журналистики. Решение, поистине, принято при ясном уме и трезвой памяти... Но отказался ли он от журналистских связей, от отношений с Сувориным? С сердечной дружбой было покончено, но переписка продолжалась по деловым поводам. С другой стороны, Дрейфус вызывал большое сочувствие русского общества. Об этом выразительно рассказала в автобиографической повести «Дорога уходит в даль» А. Бруштейн – современница этих событий. У Л. Андреева есть рассказ «Большой шлем», написанный в 1899 году, в период второго суда над Дрейфусом. Его герои – российские обыватели, за карточным столом заинтересованно обсуждающие дело Дрейфуса. А Л. Н. Толстой в ставшей знаменитой статье «О Шекспире и о драме» (1903г.) в поисках объяснения феномена мирового признания Шекспира, в котором он сам не видел особой художественной ценности, так же обратился к «делу Дрейфуса». Но его позиция была, скорей нейтральная, нежели у А.П. Чехова или А.С. Суворина. Он справедливо заметил, что этому делу широкую известность придала пресса. Л. Н. Толстой писал: «При развитии прессы сделалось то, что как скоро какое-нибудь явление, вследствие случайных обстоятельств, получает хотя сколько-нибудь выдающееся против других значение, так органы прессы тотчас же заявляют об этом значении. Как скоро же пресса выдвинула значение явления, публика обращает на него еще больше внимания. Внимание публики побуждает прессу внимательнее и подробнее рассматривать явление. Интерес публики еще увеличивается, и органы прессы, конкурируя между собой, отвечают требованиям публики. Публика еще больше интересуется; пресса приписывает еще больше значения. Так что важность события, как снежный ком, вырастая все больше и больше, получает совершенно несвойственную своему значению оценку, и эта-то преувеличенная, часто до безумия, оценка удерживается до тех пор, пока мировоззрение руководителей прессы и публики остается то же самое. Примеров такого несоответствующего содержанию значения, которое в наше время, вследствие взаимодействия прессы и публики, придается самым ничтожным явлениям, бесчисленное количество. Поразительным примером такого взаимодействия публики и прессы было недавно охватившее весь мир возбуждение делом Дрейфуса.» [3] «...Органы прессы, соревнуясь между собой, стали описывать, разбирать, обсуживать событие, публика стала еще больше интересоваться, пресса отвечала требованиям публики, и снежный ком стал расти, расти и вырос на наших глазах такой, что не было семьи, где бы не спорили об l'affaire.» [3] «...И только после нескольких лет люди

стали опоминаться от внушения и понимать, что они никак не могли знать, – виновен или невиновен, и что у каждого есть тысячи дел, гораздо более близких и интересных, чем дело Дрейфуса. Такие наваждения бывают во всех областях, но они особенно заметны в области литературной, так как, естественно, печать сильнее всего занимается делами печати, и особенно сильны в наше время, когда печать получила такое неестественное развитие. Постоянно бывает то, что люди вдруг начинают преувеличенно восхвалять какие-нибудь самые ничтожные сочинения и потом вдруг, если сочинения эти не соответствуют царствующему мировоззрению, вдруг становятся совершенно равнодушны к ним и забывают и самые сочинения, и свое прежнее отношение к ним». [3] Мысль русского писателя: Толстой заметил процесс становления прессы, журналистики как нового феномена в жизни современного общества. Средства массовой информации (во времена Толстого это только пресса, в наши дни — еще и телевидение, радио, Интернет, сотовая связь и др.) позволяют в определенном смысле управлять не только сознанием, настроениями массы, но и непосредственно влиять на принятие решений правительствами, парламентами, судами, что и позволило их назвать «четвертой властью».

Источники и литература

- 1) Зеваэс А. История третьей республики (1870-1926). М. – Л., 1930, с. 228, с. 249-250
- 2) Письма. Под ред. М. П. Чеховой. Т. I-VI. Т-во «Книгоиздательство писателей в Москве». М., 1912-1916
- 3) Толстой Л. Н. О Шекспире и о драме // Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. М., 1983. Т. 15. С. 258–314
- 4) Чехова М. П. Письма к брату А. П. Чехову/ М. П. Чехова; ред. и вступит. ст. Н. А. Сысоева. – М.: Гослитиздат, 1954. – 234 с.
- 5) Шах-Азизова Т. К. Чехов и западно-европейская драма его времени/ Т. К. Шах-Азизова. – М.: Наука, 1966. – 151 с